

как видим, существенно отличаются одна от другой. Какая же из них соответствует действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно необходимо обратиться к аргументации исследователей и проверить ее на тексте.

Переходя к критическому разбору построения М. С. Грушевского, прежде всего нужно отметить, что у нас нет достаточных оснований для выделения особой «Повести о Куремсе и Бурандае». Текст летописи не подтверждает гипотезы М. С. Грушевского.

Если в летописи два или три рассказа объединяются в один повествовательный ряд «единством темы», факт этот сам по себе еще ничего не доказывает: иногда это «единство» подсказывается летописцу самой исторической действительностью (события следуют одно за другим), иногда летописец, не желая дробить повествования, сам объединяет сходные по содержанию эпизоды в один ряд. Гипотеза М. С. Грушевского исходит из чисто умозрительного предположения о том, что всякое «единство темы» в рамках летописного повествования всегда будто бы свидетельствует о самостоятельности данного отрезка повествования и предполагает руку другого автора. В данном случае, впрочем, нет даже и этого условия: «единство темы» предполагаемой М. С. Грушевским «Повести о Куремсе и Бурандае» весьма относительно. «Повесть» перебита эпизодами, не имеющими прямого отношения к «татарской» теме: рассказом о «сече великой» Руси с Литвою у Луцка в 1255 г. (стр. 556—557), рассказом об основании Холма, о его церквах, о восстановлении города после пожара (стр. 558—560), сообщением о конфликте Данила Галицкого с литовскими князьями из-за сына Романа и о походе Данила на Литву в 1258 г. (стр. 560—561), известием о торжестве во Владимире — свадьбе Ольги Васильковны (стр. 561—562). Отступления эти нарушают то «единство темы», которым якобы объединяются, по словам М. С. Грушевского, все эпизоды «Повести о Куремсе и Бурандае».

Не подтверждает предположения М. С. Грушевского и литературный строй «Повести»: рассказ о Куремсе близок по своему литературному оформлению к летописи Данила Галицкого, составной частью которой он несомненно и является;<sup>6</sup> рассказ о Бурандае обнаруживает руку, типичную для волинского летописания. Неоднородность литературного строя «Повести» вынужден был признать и М. С. Грушевский; он объяснял ее тем, что автор «Повести» вначале якобы находился «под сильным влиянием» стиля своего предшественника — галицкого летописца и только постепенно, по мере продвижения «Повести» к концу, от этого влияния освобождался.

Даже первая строка предполагаемой М. С. Грушевским «Повести» не подтверждает его предположения: «По рати же Кремянецькой Куремьсине Данил воздвиже рать противу татаром...» (стр. 555); вполне понятная в устах летописца, незадолго перед тем описавшего на своем месте поход Куремсы под Кременец в 1254 г. (см. стр. 550), она более чем сомнительна в устах автора «Повести», задуманной в качестве самостоятельного повествования о «татарской беде». Рассказ о «рати Кремянецькой» находится в прямой связи по содержанию с читающимся в начале «Повести» рассказом о походе Данила «противу татаром»: широко задуманный Данилом поход против татар в 1255 г. — месть за кременецкое поражение. Связь эту и подчеркивает первая строка «Повести»: «По рати же Кремянецькой Куремьсине Данил воздвиже рать...». Однако М. С. Гру-

<sup>6</sup> В рассказе налицо некоторые характерные для летописца Данила Галицкого слова и словосочетания: «времени же минувшу», «не бе бо могл», «не удоси ею», «всим тоснущимся» и пр.